

Нина Стручкова

«ВСЁ В ДУШЕ ОТЗОВЕТСЯ...»

(Новая книга поэта Виктора Кирюшина)

Нина Николаевна Стручкова родилась в деревне Погореловка Тамбовской области. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Работала в издательстве «Молодая гвардия», журналах «Очаг», «Сельская новь». Автор трех поэтических книг, многочисленных публикаций в коллективных сборниках, альманахах, антологиях поэзии. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Вмоих руках новая книга стихов Виктора Кирюшина «Родное». Представлять поэта, рассказывать о нем нет нужды. Книжки, публикации, рецензии, биография поэта, его достижения давно уже хорошо знакомы читателям. Есть прекрасные отзывы известных критиков, поэтов и просто любителей поэтического слова. Его стихи внимательно, пристрастно рассмотрены, изучены, проанализированы и процитированы. Кажется, уже нечего и добавить.

И вот она — новорожденная книга, в которой отобраны лучшие стихи разных лет и новые, написанные в последние годы. По ней можно проследить судьбу самого поэта, его мироощущение, творческий и жизненный опыт, размышления о ценностях бытия. Нет, не переоценка — духовные, этические, моральные ценности остаются теми же. Остается свежесть поэтического взгляда на мир. Но приходит мудрость, переосмысление, обновление.

Так ведь и жизнь Виктора Кирюшина в последние годы значительно изменилась. Редакторская, издательская деятельность позади. Но пришло время активно поехать по огромной стране, выступать со своими стихами, проводить семинары для молодых литераторов. А еще — пройти по Северному морскому пути, проверить свои силы и возможности, когда с вертолета — на палубу, с трапа — на встречу с полярниками и учеными, с членами экипажа. А еще — поездки на Донбасс, в

Виктор Кирюшин

ЛНР, в зону СВО, к солдатам в окопы. И если о Сереве стихов пока нет (уверена, что они будут!), то поездки на войну уже оставили свой след в новой книге. Пронзительные, полные драматизма строки никого не могут оставить равнодушными. Как же умеет Кирюшин не просто показать событие, картинку, но выделить такие неоднозначные, острые, эмоциональные моменты, которые и от читателя требуют оценки и выбора:

Молча уходим леском предрассветным.
Где, за каким затаился кустом
Брат мой и враг мой
С таким же заветным,
Мамою надетым нательным крестом?

Я поражаюсь тому, как чуток поэтический слух поэта. А он, как будто в ответ, поправляет: «Сердце стократно надежнее уха».

Я дивлюсь тому, как свободно и бесстрашно он ставит рядом великое космическое и малое земное:

Вселенная без края и конца
Вселяла б ужас до последней клетки,
Когда б не трепыхался у лица
Листок зеленый с муравьем на ветке.

Или сам удивляется тому, что

Загадочнее сотворенья мира
Грядущее возникновенье дня.

Он утверждает, что «лишь сочувствие — искусство, / Все остальное — ремесло», он может пожалеть не только травинку, январский снег, но и — далекую, бесстрастную, равнодушную звезду: «Мне жаль ее, / Холодную, / Чужую, / Как самое родное только жаль».

И все же — почему книга называется «Родное»? Ответ читатель найдет, когда прочитает ее. Это не только пронзительные стихи о бабушке («Но одно припомню на краю: / Маленький, / В пустом и гулком храме / С бабушкой-заступницей стою»), о русских кормилицах-старухах («Им нет цены! / Им нет цены!»), о маминых геранях («Так вот он, рай, / Не за горами, / И лучше сыщется навряд, / Покуда мамыны герани / На подоконниках горят»), о родительском доме («Гудит-дымится за стеной / Одна из долгих зим... / Как разочтется жизнь со мной, / Уже известно им»). Родное — не просто главное, но генетически главное, корневое, кодовое, куда входит все земное и небесное, что поэт впустил в свое сердце и отразил, преобразил в своих стихах.

Рискну процитировать строки из своего поздравительного письма: «Твои стихи — просторные, как Россия, свежие, как сад после грозы, мудрые, как заповеди старцев, тонкие, как секреты филиграни, благодатные, как долгожданный дождь в засуху, глубокие и прозрачные, как валдайские озера, проникновенные и невероятно поэтичные».

И это мое отношение, мое давнее убеждение, а не славословие к юбилею. Столько лет нашей дружбе, но мое восприятие за эти годы не притупилось: стихи Кирюшина по-прежнему продолжают удивлять и восхищать. Вот природа, во все времена года и во все века прекрасная. Но в стихах картины этой природы одушевлены! Весна: «Тополя, как спички, отсырели, / Но зеленым вспыхнули огнем». Осень: «Это время самосожжения / Кленов, ясеней и осин». Зима: «Лишь зима

легко и кстати, / Как хозяйка у стола, / Второях меняет скатерть, / Чтобы белою была». Лето: «И ходят молнии и тучи / Почти на цыпочках вдали».

Эти картины могут быть и неожиданно трагичными: «...нескончаемый / Жалостно-бабий / Русской метели космический вой». Или, наоборот, полны веры и надежды: «Как просто на свете отчаяться! Но светлой надежде внемли / — Пока одуванчик / Качается / На теплой ладони земли».

В стихах Кирюшина живет молодая энергия:

Но дождь пройдет,
И капли на ветле
Горят, как бус серебряная нитка.
И весело
На сорванной петле
Качается скрипучая калитка.

Но и жизненный опыт, сын ошибок трудных, по выражению Пушкина, переплавляется в этой книге в мудрые строки-афоризмы, которые сами ложатся на память. Их много, таких глубоких, выстраданных строк, приведу только некоторые:

А опыт?
Он, конечно, кладезь
Сокровищ сердца и ума.
Бери и пользуйся,
Не тратясь,
Но как-то стыдно
Задарма.

Еще: «И пока любовь всего ценней, / Век-обманка, я тебя сильнее!»

Или: «России все дано на вырост: / Земля, история, судьба».

И еще: «И жизнь, как одежда чужая, / У самого ворота жмет».

Приводить бы и приводить умные и яркие строки! Но у меня нет такой задачи. Надо просто читать книгу, кажется, она уже есть в интернете. Мне хочется остановиться на том, что для меня самой в этой книге важно. Работая в традиции русской классической поэзии, при том лучшим, что взято автором от старших товарищей — поэтов и учителей, ему удается оставаться ни на кого не похожим. Быть остро современным и в то же время хранителем — культуры, чистоты языка, его богатства. Поразительно отношение Виктора Кирюшина к художественному слову — бережное, тонкое, благородное, целомудренное!

Иногда встречаются строки, в которых есть намеки на похожие мысли или определения у других авторов, высказанные ими ранее. Это не заимствование, а перекличка, как у Пушкина и его поэтического окружения. Или продолжение. Или напоминание. Говорит он своими стихами для всех, кто хочет слышать. Но перекликается только с близкими по духу, по отношению к жизни, по философскому восприятию ее проявлений. У поэта и философа Григория Сковороды есть высказывание: «Мир ловил меня, но не поймал». У Кирюшина:

...Спасибо, что был я на свете.
На свете, который меня не поймал
В свои золотистые сети.

Мир меняется, и не всегда в лучшую сторону. Но даже в таком переменчивом, а порой и драматичном мире поэту важно не поддаваться искушениям «золотистых сетей», остаться верным себе, своим убеждениям и принципам, всему тому, что для него важно и дорого в жизни.

В продолжение и объяснение этих строк хочется сказать: у поэта Виктора Кирюшина есть Тайна. Хотя все его стихи разбери по косточкам, останется то, что мы еще и не прочитали по-настоящему. Да и он сам чувствует это: «Так и не был я

узнан / Никогда и нигде». Возможно, он еще и не нашел слова, которые могли бы выразить все, что чувствует его пронизательный ум, ощущает его чуткое поэтическое сердце: «О, свободные птицы и звери, / Научите меня говорить!»

А может быть, он и не хочет открывать даже для себя эту тайну:

Что толку в раскладе ученом,
Ведь истина наверняка
В невяленном,
Неназаченном,
Непонятом нами пока.
Как некая дивная птица,
Внезапно мелькнет у лица...
И манит она,
И таится,
И гибнет
В руках у ловца.

Неожиданным подарком в книге оказался Поэтический календарь русской природы для детей. Как непосредственно, чисто, свежо звучат эти стихи! Ребенок может вглядываться в окружающий мир, наблюдать, познавать, получать представление о красоте и милосердии, о помощи и спасении. Да, стихи для детей, но и взрослого, искушенного человека порадуют, как, например, каждый год радует первый снег. Или вернут его в детство, где нет еще ничего опасного, страшного, трагичного, а есть только восторг узнавания, удивления, первых открытий. Этот раздел называется «Живые часы». Я не буду цитировать эти стихи, потому что каждое из них — отдельный мир, отдельная картинка, отдельный сюжет. И природа в них живая, тесно, напрямую связанная с восприятием ребенка.

В книге представлены переводы с грузинского, серболужицкого, казахского. Не зная языка оригинала, не видя подстрочников, трудно судить, насколько точно автор сумел передать дух и содержание стихотворений авторов. Но по тому, что он выбрал для переводов, можно определить принципы этого отбора — то, что близко самому переводчику, с чем он согласен, а также то, что интересно, богато и разнообразно в иных национальных культурах — по языку, по краскам, традициям.

И как хорошо, что в завершении книги помещены статьи о поэзии Кирюшина. Авторы такие разные, почерк у всех разный, они как будто обошли и рассмотрели его творчество с разных сторон, каждый в меру своего восприятия, но к выводу пришли одинаковому.

Часто цитируют из Достоевского: «Широк человек...» А у Нины Ягодинцевой в эссе: «...русский человек широк потому, что пространство своего бытия принимает как часть себя самого — и даже не часть, а основу». Меня это объяснение поразило своей точностью. И главным для меня здесь является не слово «широк», а слово «пространство». Вот именно у Кирюшина в стихах это пространство так ощущается! И речка, и омут, и лес — они воспринимаются не как привязка к какому-то отдельному месту, а именно как часть великого русского пространства:

Жизнь — как река:
Внезапна и быстра.
А был ли счастлив я на самом деле?
Лишь только там,
У тихого костра,
Среди земли,
Как будто в колыбели.

В его стихах можно так свободно и глубоко дышать, так остро чувствовать, и печалиться, и наслаждаться.

Остается держать их в памяти, любить и ждать новых.